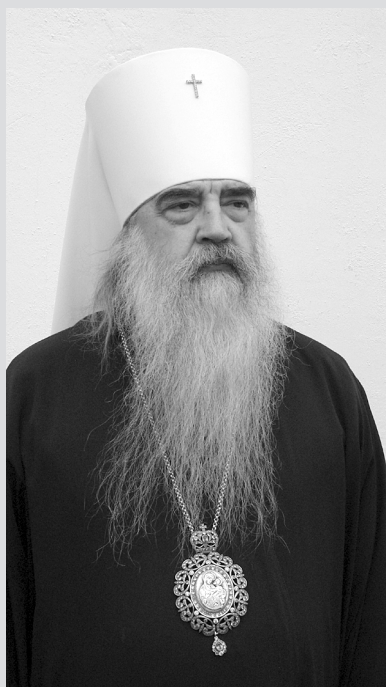

БЕЛАРУСЬ: ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ОБЩЕСТВО*

**Высокопреосвященнейший
ФИЛАРЕТ (Вахромеев),
Митрополит Минский и
Слуцкий, Патриарший Экзарх
всех Беларуси**

МДА, кандидат богословия—1961, доктор honoris causa университетов: Галле (ГДР)—1983, Братиславы—1986, Праги—1986, Пряшева, Белгосуниверситета—1993, Гродненского госмедуниверситета—2001, Свято-Владимирской Академии (Крествуд, Нью-Йорк, США)—2002, Свято-Сергиевского богословского института (Париж)—2003; профессор—2000, доктор богословия—2003.

ТРУДЬ №5

Минской Духовной Академии

Своевременность научно-исторического, философского и социально-нравственного осмысления ключевых понятий, составляющих тему конференции, более чем очевидна. Об этом свидетельствует не только объективный ход мировой истории, но и положение дел в нашем национальном доме. И потому для нашего государства и для белорусского общества участие Церкви в обсуждении этих проблем не менее важно, чем для самой Белорусской Православной Церкви в частности.

В начале мне представляется уместным напоминание о том, что нередко забывают и политики, и социологи, и культурологи, и рядовые граждане.

Христианская Церковь за свою двухтысячелетнюю историю накопила богатейший опыт взаимодействия с государством и обществом, — а точнее говоря, с самыми разными государствами, политическими устройствами, общественными системами и культурами.

Этот опыт не всегда был однозначен, его сложность и многомерность не поддается простым оценкам, — но Церковь прошла через него и сохранила себя в отличие от рухнувших империй и ушедших в прошлое социальных систем. И сегодня, как и столетия назад, она пребывает открытой будущему.

Опираясь, в том числе, и на этот опыт, мне хотелось бы предложить размышление на означенную выше тему не в сугубо философской или богословской, но в более широкой перспективе. Ибо у нашей Церкви в ее суждениях о мире, о властях и о самой себе есть три основания: Священное Писание, Священное Предание и живой опыт

* Доклад на конференции «Беларусь: религия, государство, общество» 7 июня 2007г. Минская Духовная Академия

церковной жизни, включая сокровища личного духовного опыта ее чад.

В этом ракурсе мы призваны задуматься о современном значении и о месте традиционной религии, и прежде всего христианства, в новых обществах, в изменившейся политической и культурной среде, в условиях глобализации. Это особенно важно и ввиду поразительных технологических достижений человеческого рода, которые вызывают одновременно и надежду, и тревогу.

Начнем с последнего: постоянно ускоряющийся процесс последовательных научных и технических революций парадоксально двойственен. С одной стороны, он вызывает восхищение человеческим разумом. Но, с другой стороны, сам человек в итоге попадает в новые формы зависимости, ибо он уже не в состоянии контролировать этот нарастающий объем инноваций с их социальными, психологическими и культурными последствиями.

Какую же значимость здесь имеет религиозная вера, которая, по определению апостола Павла, есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11: 1)?

Для нас, христиан, вера была, и есть, и пребывает залогом Вечной жизни в лоне Ее Творца и Зиждителя; это одновременно и предмет верования, и его цель, и смысл, и стимул.

Без уверенности в Творце жизнь утрачивает свое достоинство, и это ясно подтверждается параллельными сравнениями.

Так, даже самое технически оснащенное общество способно буквально одичать в основополагающих областях своей жизни. Об этом предупреждает Священное Писание: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16: 26).

Так, без уважения к родителям, без городской памяти о предках распадаются личности их потомков, а общество вырождается и в физическом, и в морально-нравственном плане. И от этого предохраняют его ветхозаветный законодатель и христианский апостол: «Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» (Еф. 6: 2–3).

Нетрудно заметить, что во всех трех случаях речь идет о согласии: согласии человека с Творцом; с близкими и дальними людьми, которые его окружают; наконец, о согласии с самим собой, что совсем не маловажно.

Без согласия не может быть ни процветающего общества, ни крепкого государства. Без этого условия нация чревата гражданской войной, как и подчеркивает апостол Павел: «...Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5: 15).

Во все времена согласие — это состояние важнейшее, но одновременно и труднейшее. Ни в государственной сфере, ни в общественной среде, ни в личной жизни его невозможно достичь односторонним усилием или насильем, вне диалога, без веры, без умения понимать и без способности прощать. А в основе понимания всегда лежит взаимное доверие и добрая обоюдная воля.

И здесь хотелось бы напомнить нашему времени, сменившему так много ценностных ориентаций, не чуждому ни цинизма, ни легкомыслия, ни самомнения, — напомнить о великой триаде христианских ценностей: о вере, о надежде и о любви.

Они пребывают в чудесной гармонии и каждая поддерживает друг друга. В самом деле, если ты больше не любишь и не надеешься, то разве всё ещё веришь? Если не веришь и не надеешься, то можешь ли лю-

бить? И если не любишь и не веришь, то на что надеешься?

Это отнюдь не пафос; это духовная реальность, которую Святая Церковь стремится воплотить в жизнь повседневную. Совсем не случайно святых сестер-мучениц, пострадавших за исповедание Господа Иисуса Христа в Риме в 137 году, звали Вера, Надежда и Любовь. И не случайно имя их матери было София, то есть Премудрость. Нет случайности также и в том, что все они были мученицами, ибо и в жизни каждого человека стяжание одноименных добродетелей сопряжено со страданием...

Приступая к рассмотрению аналитической стороны вопроса, нам пришлось время прояснить ключевые понятия нашей темы. И здесь уместно обратиться к философии, которая именно этим и занимается. Хотя, к слову, полагаю, что нашим теологам также пришлось время потрудиться над развитием богословия государства и права, а также богословия социального служения.

На государство общество возлагает исполнение политических функций и задач. По своей сути и по своей исторической природе политическая задача есть одновременно дело цивилизации и культуры. И уже поэтому политика государства не может игнорировать религию.

Цель политики состоит в улучшении условий человеческой жизни, в обеспечении общего блага. С этой точки зрения на христианах также лежит своя политическая ответственность, индивидуальная в каждом случае.

Однако политика не может решать высшие духовные проблемы человеческого бытия. Ибо духовная ответственность — это явление намного более личное, чем ответственность политическая. Ведь в первом случае мы ответственны перед Творцом и Его законом Вечной Жизни, а во втором

— перед государством как политическим инструментом.

И здесь мы должны обратиться к понятию личности.

Личность представляет собой одновременно и часть политического общества, и нечто высшее по отношению к нему. Христианство настаивает на нередуцируемости личности, то есть, на недопустимости сведения ее высшей природы к более низкому предназначению. Иначе говоря, христианство настаивает на превосходстве вечного в человеке над политическим.

Так мы приблизились к логическому рассмотрению вопроса об отношениях государства и Церкви.

Свобода Церкви заключается для нее в свободе учить, проповедовать и исповедовать. Свобода Евангелия, или Благовествования, основана на правах Бога, выражая «саму независимость воплотившегося Слова». Поэтому, когда говорят, что Церковь так или иначе, но всё же находится в политическом обществе, — эта точка зрения неполная и неадекватная.

Церковь — это не часть, но целое.

При этом мы не можем говорить о полном разделении между двумя разными обществами — Церковью и государством. Это означало бы, что и сама человеческая личность разделена надвое.

Отсюда вытекает необходимость сотрудничества и согласия между ними. И значит, встает вопрос о принципах такого необходимого сотрудничества. В противном случае любая теория взаимного игнорирования Церкви и государства, — а уж тем более их враждебного противопоставления! — является не просто самообманом, но источником существенного ущерба, наносимого, в конечном счете, обеим сторонам.

Сотрудничество Церкви и государства по определению не может основываться на почве атеизма, то есть отрицания Бога. Значит, существует необходимость общественного признания тезиса о бытии Бога, что, конечно же, не обязывает всех и каждого верить в Него. Тем паче, что вера не может быть введена по принуждению, и речь идет лишь о ее признании, о ее праве и об уважении к ней.

Исходя из этого, далее мы можем говорить о наиболее общих, а также о косвенных и особых формах взаимного сотрудничества Церкви и государства. И в первую очередь — о содействии со стороны государства исполнению духовно-просветительской миссии Церкви, ибо на земле она не может быть заменена ничем иным.

В современном объединяющемся мире всё более устрашающим образом открывается внутренняя разделенность людей. Ибо это внешнее, утилитарное объединение государств движется исключительно материалистическими интересами и питается идеями секулярного материализма.

Но единство материалистов призрачно. Даже скованное цепями самого сурового принуждения, оно может разорваться и обратиться в жестокий разброд.

История знает тому прискорбные примеры. На пике научно-технического рывка на рубеже XIX и XX столетий из помраченного подсознания вышли на свет такие интеллектуально-волевые и безбожные формы мировоззрения, какими страдали Фейербах, Ницше и их последователи. Для них обособленное человеческое «я» становилось центром вселенной, и даже самое понятие о Боге и Творце они считали всего лишь «самоткровением человеческого «я»». При этом они не придавали личности человека никакой метафизической ценности.

Этому развитому до последних пределов эгоцентризму, унижающему человеческую

личность, противопоставил Евангельская заповедь, которая выражает и закон познания самого себя, и методологию включения личности в истинное и непреходящее бытие мира: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную» (Ин. 22: 24–25).

Иными словами, поставление своего «я» в центр вселенной в качестве нормы всего бытия есть крайнее выражение ненависти к другим. Истина же состоит в том, чтобы возненавидеть этот эгоцентризм в своей душе и через то приобрести весь мир, возлюбив его жертвенной любовью по образу Христа Спасителя.

Движимые именно таким духовным порывом, наши предки и предшественники современных европейцев создали христианскую цивилизацию, подарившую миру величайшие сокровища культуры и науки, непревзойденные произведения искусства и литературы, богатейшее духовное и богословское наследие.

Не только в христианской современности и истории, но и в античности и даже в предшествовавшие ей времена религия была не «тормозом», но динамическим элементом культуры и цивилизации. По мнению крупного английского историка и философа Генри Доусона, древнейшие институты жречества, пророчества и царской власти были ни чем иным, как «религиозными органами общества».

Именно они наиболее сильно воздействовали на культуру, приводя к самым важным изменениям в ней. Именно из религиозных концепций «священного знания», «священного закона» и «пути спасения» берут свое начало и ведут свое происхождение и наука, и законодательство, и моральные нормы.

Религия много старше любого государства, и это обязывает обе стороны к осторожному обращению и с этими понятия-

ми, и друг с другом. Ибо всем этим легко злоупотребить.

Вот почему сегодня христиан всего мира особенно тревожит вытеснение христианства и его основополагающих ценностей из жизни общества, и прежде всего — в исторически христианских странах Европы. Ведь на смену традиционной религиозности могут придти ее иные формы, которые способны вызвать уже не сумерки, а помрачение народов целого континента.

С утратой нравственно-религиозных ориентиров постепенно утрачивается жизненная энергия общества, которое на наших глазах добровольно заражается убийственным вирусом религиозной, культурной и социальной всеядности. В книге «Самоубийство Запада», написанной в 1964 году, стратег «холодной войны» Джеймс Вернем пришел к выводу, что существует особый европейский тип мышления, примиряющий европейцев с гибелью их империй и закатом цивилизации. Вернем назвал проявления этого мышления в обществе «идеологией западного самоубийства».

Однако религия и религиозное сознание весьма далеки от схематической простоты и тем более — от примитивности. Позвольте мне в качестве аргумента сопоставить три фрагмента из дневников видного пастыря и богослова нашего времени, покойного протоиерея Александра Шмемана (Дневники 1973—1983. М.: Русский путь, 2005).

«Религия, — писал он, ссылаясь на творчество Жюльена Грина, — есть худшее и лучшее в человеке». То есть, религия может оказаться не только лучшим, но и худшим содержанием человеческой души, когда в ней начинает господствовать, по его словам, «фальшь».

Суровые слова... Но они, с одной стороны, показывают, насколько самокритичным может быть глубокий православный бо-

гослов. А с другой стороны, в нынешние времена с особой ясностью эти слова дают нам понять, что их значение универсально. Религиозный фанатизм и псевдорелигиозные спекуляции сегодня вновь стали питательной средой для преступлений в таких чудовищных формах проявления, как терроризм, анархия и разжигание гражданских конфликтов.

В то же время, непрестанно размышляя о молитве, отец Александр писал: «Что такое молитва? Это память о Боге, это ощущение Его присутствия. Это радость от этого присутствия. Всегда, всюду, во всё» (с. 22).

И в этой радости, — сознает она это или нет, — участвует культура. Ибо «что такое подлинная культура?» — вопрошает сей христианских богослов и православный приходской батюшка. И отвечает на свое вопрошание: «Причастие. Участие в том, что победило время и смерть» (с. 61).

Исходя из всего сказанного, мне хотелось бы в заключение коснуться вопроса о взаимоотношениях науки и религии. Сделать это и необходимо, и вполне естественно, тем более, участвуя в конференции, инициатором которой является Национальная Академия Наук.

Признаться, в обществе иногда забывают или не придают должного значения тому непреложному обстоятельству, тому историческому и духовному факту, что и европейские университеты, и европейская наука в целом родились в лоне христианской цивилизации.

Несмотря на случившиеся порою эксцессы, именно образованные монахи были первыми учеными Европы. Так, на Западе это — Роджер Бэкон, Роберт Гроссестест из Оксфордской школы, Гуго Сент-Викторский и другие. Трудно оспорить, что и Галилео Галилей, и Кеплер, и Нью-

тон, и Лейбниц были верующими людьми. Пример Паскаля еще более нагляден.

И сегодня между христианским учением и современной наукой нет никаких принципиальных и неразрешимых противоречий. Ни квантовая механика, ни теория относительности, ни общая теория поля, ни современная космология нисколько не затрагивают и уж тем более не опровергают фундаментальных истин христианства. Эти направления в науке скорее являются их косвенным подтверждением, которое свидетельствует о неизмеримой глубине замысла Творца и о невозможности подходить к загадкам Творения с точки зрения линейного мышления.

Сегодня в научных кругах и в образованных сферах общества созревает и всё более завоевывает стратегические позиции синергическая парадигма познания¹. Это обобщение таких различных концепций, как теория информации, кибернетика, системный анализ, голографическая модель Вселенной Боме и других.

Сегодня синергетику понимают и как теорию, и как учение, и как научную модель, и как мировоззрение. Можно сказать, что это совокупность знаний о хаосе, о порядке и о переходных процессах.

В научный оборот неологизм «синергетика» был введен в 1972 году. В православном же богословии он был разработан

очень давно и восходит к трудам преподобного Максима Исповедника, святителя Григория Паламы и других. Эта парадигма сохраняет свою значимость не только для богословия, но и для философии, и для научного познания в целом. Не случайны, к примеру, работы в этой области известного современного русского философа Сергея Хоружего, который пытается уже в философском плане построить синергетическую антропологию.

В религиозных исследованиях, диспутах и дискуссиях богословы и пастыри исторически призваны не осуждать собеседника, но увещевать его, ибо в этом состоит главная церковная методология духовного образования и отстаивания Истины.

«Цель же увещевания, — по словам апостола Павла, — есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1 Тим. 1: 5).

Какое это замечательное и знаменательное сочетание: любовь от чистого сердца, добрая совесть и нелицемерная вера! Церковь готова приложить все усилия, чтобы добавить к этому союзу и пылкий разум ученого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Синергия — повышенная результативность совместного действия факторов по сравнению с теми же, действующими отдельно.